

4. Морусов, А. А. Формирование управленческой компетентности экономистов-менеджеров в системе дополнительного профессионального образования (на примере Кубанского государственного технологического университета) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / А. А. Морусов; Ульян. гос. ун-т. — Ульяновск, 2012. — 24 с.

Morusov, A. A. Formirovaniye upravlencheskoi kompetentnosti ekonomistov-menedzherov v sistemye dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya (na primerye Kubanskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta) [Formation of administrative competence of economists-managers in the system of additional vocational education (on the example of the Kuban State University of Technology)] : avtoref. dis. ...kand. ped. nauk : 13.00.08 / A. A. Morusov; Ulyan. gos. un-t. — Ulyanovsk, 2012. — 24 p.

LIUDMILA PAULAVA

MANAGERIAL COMPETENCE OF ECONOMISTS-MANAGERS: NOTION AND STRUCTURE

Author affiliation. *Liudmila PAULAVA (pavlovabf@rambler.ru), Belarusian State Economic University, Bobruisk Branch (Bobruisk, Belarus).*

Abstract. The article discusses and analyzes the role of managerial competence of an economist-manager in his/her career. The reasons for the low level of managerial competence of economists-managers are revealed; the contents and structure of the managerial competence are substantiated and disclosed, as well as a system of managerial competences of an economist-manager. Recommendations are given for the formation of managerial competence of a would-be economist-manager.

Keywords: managerial competence, professional competence, innovative development of economy, labor market.

UDC 338.242

*Статья поступила
в редакцию 12.02. 2015 г.*

В. А. БЕЛОКРЫЛОВА

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ:
КОНТЕКСТЫ ГУМАНИТАРНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

В статье рассматриваются формы вклада философских дисциплин в современные общественные инновации, актуализируются различные контексты гуманитарной экспертизы модернизационных проектов.

Раскрывается технология гуманитарного осмысления модернизации. Она включает следующие важнейшие направления: обсуждение сценариев, субъектов, движущих сил и рисков модернизации; исследование ценностно-мировоззренческих и поведенче-

Вера Анатольевна БЕЛОКРЫЛОВА (ralfinaster@gmail.com), кандидат философских наук, ст. научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь).

ских установок конкретных социальных общностей и групп как важнейшего ресурса модернизации; сопоставление уникальных условий и «поточных» социальных технологий модернизации; этическая и гуманистическая экспертиза модернизационных целей и средств. «Описательное», «преобразовательное» и «экспертное» участие гуманитарных дисциплин в проектах модернизации сфокусированы на уровне теоретических оснований и методологических посылок.

Ключевые слова: модернизация, социальное проектирование, гуманитарная экспертиза, социально-гуманитарные технологии.

УДК 316.422

Тема стратегий модернизации является сегодня особенно актуальной на всем постсоветском пространстве. Модернизационные проекты маркируют ключевые вехи отечественной истории. Постсоветский регион, а вместе с ним и Республика Беларусь претерпевают процесс перманентной модернизации. Что может (и должна) дать гуманитарная наука теории и практике модернизационных преобразований и где пролегают границы ее теоретических компетенций? Злободневным представляется выход за пределы многочисленных идеологем и мифологизаций, сопутствующих понятию «модернизация». Этому будут способствовать анализ конкретных модернизационных «сюжетов», их философско-методологическая категоризация, призванная зафиксировать в особенном типичное, в исторически-преходящем — универсальное. Уроки прошлого, безусловно, нуждаются в современной интерпретации и переосмыслении.

В условиях ужесточения предъявляемых к результатам научных исследований требований формы аутентичного вклада гуманитариев в тактику и стратегию модернизации нуждаются в обсуждении и детализации. Очевидно, что это участие не исчерпывается эмпирическим зондированием человеческого капитала в качестве гуманитарного ресурса модернизации. Сомнительной представляется и задача вторичного наукообразного обоснования уже готовых сценариев. Реализуема ли в современной гуманитаристике диалектика конструктивного начала и взвешенной критической позиции по отношению к неизбежным трансформациям общества и жизненного мира человека?

В самом общем виде модернизация для целей системного гуманитарного исследования предстает как долгосрочный социально-инженерный проект, включающий в себя анализ исходных условий, адаптацию целей к имеющейся ситуации, определение субъектов и движущих сил планируемых преобразований, оценку характера и вероятности сопутствующих рисков.

Методологически выверенная рефлексивная позиция по отношению к прошлому может стать своеобразной точкой отсчета для проектирования источников, движущих сил и субъектов обновления общества. Анализ социально-инженерных особенностей состоявшихся модернизационных проектов способствует прогнозированию побочных последствий модернизации, раннему выявлению сопряженных с нею рисков. Проблема модернизационных рисков имеет и более широкую философскую подоплеку — она приводит к необходимости сопоставления как перспектив, так и ограничений социально-проектной деятельности. От реалистичной научно обоснованной оценки проектов «искусственного» стимулирования и моделирования развития социально-экономических систем, придания им желаемых качеств, свойств и параметров ключевым образом зависит количество побочных продуктов модернизационной политики.

Дистанцируясь от чисто экономического измерения, гуманитарии могут выступить экспертами в социально-психологических, ценностных, культур-

ных аспектах модернизационных преобразований. Философия, социология, культурология и другие дисциплины могут и должны выработать теоретические схемы, системно отражающие ценностные, мотивационные, коммуникативные диспозиции агентов модернизационного процесса. В конечном счете именно их (агентов) «живая» деятельность является главной движущей силой модернизации. То, что традиционно относят к основополагающим атрибутам модернизации — инвестиции, стартапы, налоговая политика, правовая база и т. п., — все это представляет собой лишь инфраструктуру для придания новых качеств деятельности и общению людей. Именно поэтому гуманитарный анализ социальной базы модернизации и ее возможных последствий играет важнейшую роль, а его недооценка чревата серьезными негативными последствиями. В этом смысле, перефразируя афоризм писателя М. Булгакова, причину разрухи (в нашем случае причины пробуксовки модернизационных проектов) следует искать «в головах», а это, как известно, территория гуманитарная.

Вклад гуманитаристики в модернизацию можно условно разделить на два уровня: уровень констатации наличного и уровень проектирования желаемого. Остановимся подробнее на созидательно-преобразовательном потенциале гуманитарных дисциплин, от которых в современном контексте ожидают не просто выявления механизмов функционирования человекомерных объектов, а еще и «рецептов» активного конструирующего воздействия на жизнедеятельность последних.

В сфере постиндустриальных инноваций наряду с нано-, био- и инфо-конструированием важное, но не всегда явным образом эксплицированное место занимают социально-гуманитарные технологии. С этими технологиями, обладающими поистине универсальным статусом в современной культуре, человек не просто сталкивается, соприкасаясь как с чем-то внешним. Не будет преувеличением сказать, что он погружен в них буквально с самого рождения на протяжении всей жизни: технологии воспитания, образования, социализации, политехнологии, технологии борьбы с девиациями и нагнетания девиаций, технологии консолидации общности и технологии генерирования общественных конфликтов, технологии рекламы, пиара, технологии «воспитания потребителя» без которых немислима рыночная среда. Всех их объединяет комплекс отрефлексированных, скоординированных и в большей или меньшей степени алгоритмизированных мер по культивированию определенного уонастроения и (или) поведения.

Парадоксально, но именно повсеместное распространение социогуманитарных техник и технологий в современной культуре создает трудности их экспликации, делает их неочевидными. В век массового общества, медийно опосредованной коммуникации, обилия информационных и идеологических симулякров нелегко вычлениить в социальном пространстве нетехнологизируемое «иное». Сложно однозначно указать на «естественное» в противоположность искусственно сконструированному с какой-либо целью и в чьих-либо интересах.

По типу воздействия социальные технологии могут иметь как открытый, явным образом декларирующий намерения «авторов», так и неявный, скрытый для самих «объектов» социогуманитарного моделирования характер. Чем менее очевидно для социальных агентов, что тот или иной социальный процесс является продуктом целенаправленного проектирования с чьей-либо стороны и в чьих-либо интересах, тем более эффективной может быть признана социальная технология, и наоборот.

Являются социогуманитарные технологии научной производной либо в данном случае наука «плетется в хвосте» у доказавшей свою эффективность практики? Какие достижения гуманитарной науки легли в основу социаль-

ных технологий, и наоборот, какие современные гуманитарные теории стали рефлексивным ответом на соответствующие социальные процессы? Как соотносятся критерий практической эффективности и постулаты научности и должна ли наука «перед лицом» экспансии социогуманитарных технологий корректировать собственные теоретические схемы? Не праздным является и вопрос об этичности социально-гуманитарных технологий: вправе ли наука выступать в роли инструмента социальных преобразований в чьих-либо интересах?

Так или иначе установка на тотальную прагматизацию и коммерциализацию знания — одна из характерных черт современного социума. По нашему мнению, специфика «общества знания» может быть конкретизирована через товарно-рыночные формы его функционирования. В свою очередь декларируемая в этом контексте полезность знания определяется эффективностью его внедрения в практику, т. е. в первую очередь технологизацией. «Были времена, когда науку называли служанкой технологии; не так давно в ней видели служанку идеологии; сегодня же в пору говорить о том, что наука начинает восприниматься как служанка технологий», — отмечает Б. Г. Юдин [1, 136].

Однако на общем фоне центробежных тенденций приспособления гуманитарного знания к потребностям смежных дисциплин с целью получения прагматически исчисляемого эффекта имеют место и противоположные центробежные тенденции — обращение к гуманитаристике как средству парадигмального обогащения. Так, интересные концептуальные ракурсы обнаруживаются в результате плодотворного синтеза позиций гуманитарных и экономических наук. Оценка, моделирование и прогнозирование процессов в экономике должны включать в качестве значимого условия своей достоверности представления о психологических, социальных, культурологических механизмах поведения людей. Экономические аспекты поведения индивидов сложно изолировать от их мировоззрения, мотивации, ценностных установок. Рациональность либо иррациональность их действий с точки зрения экономической эффективности, очевидно, не объясняется и не исчерпывается лишь законами экономики. Напротив, последняя нуждается для своего обоснования во внешних моделях, проблематизирующих человека, но не как абстрактного обезличенного винтика экономической системы, а как конкретное единство множества внеэкономических факторов.

Дополнить экономические схемы человеческим измерением стремится новое междисциплинарное направление — поведенческая экономика. Подходы, выработанные в рамках этой новой дисциплины, «достаточно быстро получили академическое признание, проникнув в мейнстрим экономической науки и приведя к радикальной перестройке многих ее разделов. Если не на уровне реальной исследовательской практики, то, по крайней мере, на уровне общих концептуальных представлений их принимают сегодня подавляющее большинство экономистов. О несомненной популярности этих идей говорит даже неполное перечисление тех областей, куда они проникли и где активно используются, — это и теория потребительского выбора, и финансовая теория, и экономика права, и макроэкономика, и теория экономического развития, и теория игр, и теория государственных финансов и многие другие [2].

Гуманитарным ответом «экономическому империализму» и рыночно-либеральной риторике является указание на недостаточность чисто экономических показателей для оценки качества жизни человека и благоденствия общества. Этот значимый для гуманистического мировоззрения пробел стремится восполнить новое междисциплинарное направление, именуемое себя «экономикой счастья». Его главным тезисом является положение о непрямом характере зависимости между уровнем экономического развития и комфортным суще-

ствованием человека. Разработки в области «экономики счастья» сосредоточены на анализе взаимодействия экономических отношений с другими сферами человеческой жизни. В рамках данного направления разрабатываются альтернативные теоретические схемы и модели, позволяющие оценить уровень развития государств, наций и регионов не только на основании роста ВВП и смежных с ним показателей, но с учетом совокупности внеэкономических факторов. Основным для «экономики счастья» показателем является субъективное благополучие. Его составляющими, как правило, выступают счастье, удовлетворенность жизнью, оптимизм по отношению к будущему, уровень толерантности и духовной свободы, гражданских прав и демократизации общества. В качестве ключевых недостатков «экономики счастья» обычно приводят неопределенность метода количественного измерения субъективных состояний, а также проблему сведения отдельных субъективных оценок к общей форме (средневзвешенному уровню определенной общественной группы, региона, государства).

Следует отметить, что «описательное», «преобразовательное» и экспертное участие гуманитарных дисциплин в программах модернизации в значительной степени условно. Неотъемлемым атрибутом модернизации являются социально-инженерные усилия по соответствующей трансформации мировоззрения людей, которые в свою очередь основываются на его реалистичной оценке. Вместе с тем инженерия в области, где действуют наделенные сознанием и волей индивиды, сопряжена с рядом проблем, в том числе этического характера, к которым философия не может быть равнодушной. Если, как считают современные белорусские исследователи, «переход к новым формам и принципам организации производственной деятельности предполагает качественные перемены в использовании человека» [3], то мировоззрение людей, культура, традиции оказываются в статусе одного из ресурсов модернизации. Человек — это конечная цель модернизации либо лишь средство инновационных трансформаций? (Человек для экономики, либо экономика для человека?) Примечательно, что с легкой руки Сталина выражение «инженеры человеческих душ» стало популярным. Очевидно, что подлинным ответом здесь будет не декларация о благих намерениях (вспомним широко известное «все — для человека, все — во имя человека»), а гуманитарно соразмеренные сценарии достижения целей модернизации, корректная постановка этих целей, учет ее ближайших и отдаленных последствий для «человеческого капитала». В рефлексивном продуцировании и ценностном лоббировании гуманитарных параметров модернизации и состоит прямая миссия гуманитарных наук. Вместе с тем есть немало исторических прецедентов, когда идеологически обосновываемое «лицо» модернизации и ее реальное содержание могут существенно различаться. Это, к сожалению, тоже происходит не без участия гуманитарных наук.

Современная идеология, стратегия и тактика модернизации на постсоветском регионе представляют собой достаточно амбивалентный как по направленности, так и по последствиям процесс. Очевидно, что безальтернативная в условиях глобального рынка производственно-экономическая и технологическая модернизация не может быть реализована без модернизации социокультурной и гуманитарной. На повестке дня — социально-инженерный проект, способный трансформировать не только экономическую, но и социальную действительность в прогрессивном направлении. Каким видится это направление самим проектировщикам: догоняющий либо опережающий характер модернизации, либеральный или государственно-патерналистский ее вектор, приоритетность положительно зарекомендовавших себя внешних моделей либо опора на «исконные» для общества и культуры образцы? Недостаток

внутренней определенности обусловлен не просто отсутствием должной теоретической проработки, а и актуальной ситуацией несформированности внутреннего субъекта и движущей силы перемен. Направить в желаемое русло эволюцию постсоветского социума оказалось нелегкой задачей. Модернизации подлежат не только порядком устаревшие основные фонды, но и социальные практики, и в конечном счете менталитет людей.

Модернизационные проекты различаются по масштабу целей, по количеству и интенсивности специальных, форсирующих эволюционное развитие средств. Определяющее значение имеют структурно-функциональные характеристики модернизационных проектов, в первую очередь экспликация субъектов и движущих сил модернизации. В качестве субъектов мы подразумеваем идейных и теоретических вдохновителей преобразований, тех, чьим интересам в первую очередь отвечает цели модернизации, тех, кто формулирует ее приоритеты, определяет общий вектор, будь то самобытный путь или догоняющее развитие. В качестве движущих сил подразумеваются преимущественно массовые исполнители, чьи интересы (квалификация, потребности, мотивы) как минимум не находятся в оппозиции с направленностью модернизации. В конечном счете именно массовый исполнитель несет на себе основной груз модернизационных преобразований, а порою — тягот и лишений. Он же в наибольшей степени подвержен воздействию модернизационных рисков.

Подлинно философский смысл имеет вопрос о том, какая социальная группа может выступить в качестве авангарда постсоциалистической модернизации. Диапазон «кандидатур» в зависимости от идеологических предпочтений достаточно разнообразен: государство, бизнес, средний класс, научная и творческая элита, СМИ. Какая социальная сила способна и главное напрямую заинтересована выступить в качестве локомотива перемен к конкурентоспособной экономике? Как соотносятся ее групповой интерес и требования гармоничной организации общества?

Является ли ведущая роль государственного аппарата как легитимного выразителя интереса общества конструктивной? Большинство авторов скептически оценивают способность политической элиты, действующей посредством государственной бюрократии, сыграть роль проводника модернизации. Бюрократ как никто другой заинтересован в поддержании сложившегося положения, позволяющего получать регламентированные его статусом блага. Самовоспроизводство государственной бюрократической машины подразумевает в первую очередь поддержание ее стабильности. По этой причине даже самые прогрессивные инициативы социальных проектировщиков нейтрализуются на различных уровнях бюрократической иерархии. Вывести подобную систему из состояния «устойчивого равновесия» — задача далеко не рядовая.

Серьезные сомнения относительно модернизационной субъектности, в частности у российских исследователей, возникают и в отношении крупного бизнеса, связанного с сырьевыми отраслями и другими привилегированными экономическими позициями. Данная категория также не имеет должной мотивации к изменению собственного положения.

Как системный социотехнический проект, модернизация с необходимостью включает представление о средствах, конкретных сценариях, технологиях своего воплощения в жизнь. При этом разделение проходит не в целях, а в средствах их реализации, стратегиях, ведущих к достижению целей. Построение высокотехнологичной наукоемкой экономики, политически стабильного суверенного демократического государства с развитой социальной сферой фигурирует в качестве цели как для модернизационной стратегии сторонников либерального пути и рыночных реформ, так и для адептов социал-демократи-

ческой модернизации. Вместе с этим средства и сценарии, используемые для достижения целей, напрямую зависят от субъектов и имеющихся в наличии движущих сил модернизационного проекта.

Можно ли рассматривать модернизационный проект в терминах социогуманитарной технологии? При положительном ответе действия здесь должны быть, во-первых, алгоритмизированы, во-вторых, поскольку технология по определению содержит некую регулярность, применимую во всех схожих случаях, средства достижения конечной и промежуточных целей должны быть универсализированы. Вместе с этим существенные ограничения названных выше процедур обуславливает гуманитарная составляющая проектируемых процессов. Именно уникальность «человеческого фактора», полифония личных и групповых интересов представляют собой существенное препятствие в технологизации стратегий модернизации.

Модернизация как социально-инженерный проект не ограничивается сферой управления, поскольку управление, планирование, постановка целей и задач предполагают наличие управляемых, которые действуют сообразно собственным мотивам и приоритетам и даже, как полагают некоторые авторы, в разрез с цивилизационно-исторической закономерностью. «Перемены, обусловленные закономерным ходом развития цивилизации, не всегда однозначно принимаются обществом. Действующие в настоящее время морально-нравственные нормы в основном сформированы социалистическим прошлым и часто отрицательно оценивают статусное положение меньшинства. На вербальном уровне признается тот факт, что прогресс обеспечивает неординарное меньшинство. Меньшинство, которое готово идти на риск во имя идеи. По нашему глубокому убеждению уровень развития общества, в том числе достижения в сфере модернизации производства, объективнее всего оценивать по отношению к меньшинству» [3].

На основании этого явный или скрытый саботаж «инертного большинства» серьезно портит планы вдохновленным идеями социальным проектировщикам. В итоге велик риск того, что каждый останется при своем: приверженное идеям реформ «меньшинство» — с благими идеями прогрессивного переустройства, а косное «большинство» — с собственными устаревшими стереотипами. Не является ли эта ситуация типичной для постсоветского пространства, когда «верхи не могут, а низы не хотят», одним из наиболее очевидных симптомов серьезной пробуксовки модернизационных проектов?

В качестве гипотетического диагноза, на наш взгляд, может быть высказано предположение о необходимости социально-инженерного проектирования стратегий модернизации не вопреки, а на основе имеющихся социальных позиций и умонастроений «большинства». Только при соблюдении этого условия повседневная деятельность и инициатива широких слоев экономически активных граждан, а не только идеи энтузиастов — управленцев и бизнесменов, становятся подлинной движущей силой прогрессивных перемен.

Модернизация кроме коммерческих и технических инноваций в качестве своего имманентного фактора предполагает общественную консолидацию. В противном случае, как полагает А. В. Рубцов, «на высшем уровне будут выработываться идеология и стратегия, которые на среднем и низовом уровнях будут вязнуть в саботаже, имитациях и вырождении правильных начинаний в собственную противоположность» [4].

В условиях современной Беларуси, где «около половины населения находится в режиме простого воспроизводства своей рабочей силы, обладает традиционным (консервативным) типом мышления и вынужденным типом экономического поведения» [5], стратегия «инновационно-технологического прорыва» при сохранении традиционной структуры экономики и общественного уклада

означает в конечном счете обострение социальных различий между стратами. «Интеллектуальный разрыв между «островами» модернизации и остальным обществом может увеличиваться, потенциально создавая опасность внутреннего разделения населения... на «развитый центр» и «бедную периферию» [5].

По мнению Г. Н. Соколовой, стратегия модернизации «сверху» «представляется проблематичной в социальном плане в силу того, что осуществляется в виде модернизационного эксперимента, не затрагивающего основной массив населения, занятого в традиционных отраслях экономики» [5]. Автор отстаивает позицию «органической модернизации», согласно которой технологические инновации как ведущая сила нового этапа модернизации должны быть интегрированы в само «тело» социальной структуры общества.

Следует также согласиться с цитируемым выше автором и с тем неутешительным диагнозом, согласно которому и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь речь идет о технократической модели модернизации, связанной со «сжатием» так называемой гуманитарной сферы общества.

Имитационная «болезнь» модернизации достаточно симптоматична как для российского, так и для белорусского сценария модернизации «сверху». Политическая элита, действуя в качестве субъекта социального проектирования, проводника национальных интересов, инициирует определенные экономические реформы, которые, однако, быстро теряют свой импульс в инерционной среде, не готовой и не стремящейся к инновациям. Пассивное сопротивление этой среды разворачивается по принципу «следует что-то менять для того, чтобы ничего не менялось». Характерным здесь является наличие многочисленных симулякров модернизационных преобразований — всевозможных реструктуризаций, новых подразделений, громких проектов с неременной характеристикой «инновационный». При этом объективно фиксируемый эффект от «инновационных» изменений оказывается незначительным.

Итак, «органический» характер модернизации основывается на живой инициативе снизу, поддержке широких слоев населения, его превращении из вынужденного претерпевающего реформы пассивного объекта в заинтересованного их результатами субъекта. Данную конфигурацию уместно было обозначить еще и как сетевую в силу тесной взаимосвязи стимула и ответной реакции на местах, а также активных горизонтальных связей на основе самоорганизации. Социально-инженерный проект модернизации должен в равной степени предусматривать обеспечение соответствующих структурных диспозиций агентов модернизации и социогуманитарные технологии воспроизводства и расширения данных потоковых структур в ходе экономической практики.

Гуманитарное осмысление модернизации включает следующие важнейшие направления:

- обсуждение сценариев, субъектов, движущих сил и рисков модернизации;
- исследование ценностно-мировоззренческих и поведенческих установок конкретных социальных общностей и групп как важнейшего ресурса модернизации;
- сопоставление уникальных условий и «поточных» социальных технологий модернизации;

- этическая и гуманистическая экспертиза модернизационных целей и средств.

«Описательное», «преобразовательное» и «экспертное» участие гуманитарных дисциплин в проектах модернизации тесно скоррелированы на уровне теоретических оснований и методологических посылок. Их комплексный подход и разносторонний характер обеспечивают эффективность гуманитарного сопровождения модернизационных преобразований.

Литература

1. Юдин, Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Б. Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 3. — С. 129—138.

Yudin, B. G. Ot gumanitarnogo znaniya k gumanitarnym tehnologiyam [From humanitarian knowledge to humanitarian technologies] // *B. G. Yudin // Znanie. Ponimanie. Umenie.* – 2005. – N 3. – P. 129–138.

2. *Капелюшников, Р. И.* Поведенческая экономика и «новый» патернализм // *Р. И. Капелюшников // Вопр. экономики.* – 2013. – № 10. – С. 28–45.

Kapelyushnikov, R. I. Povedencheskaya ekonomika i «novyyi» paternalizm [Behavioral economics and «new» paternalism] // *R. I. Kapelyushnikov // Vopr. ekonomiki.* – 2013. – N 10. – P. 28–45.

3. *Алексеевко, Т. С.* Гуманитарные аспекты модернизации // *Т. С. Алексеевко, Л. М. Злотникова // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : сб. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 26–27 апр. 2012 г. : в 2 ч. / Нац. банк Респ. Беларусь ; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2012. – Ч. 2. – С. 134–136.*

Alekseenko, T. S. Gumanitarnyye aspekty modernizatsii [Humanitarian aspects of modernization] // *T. S. Alekseenko, L. M. Zlotnikova // Ustoychivoe razvitie ekonomiki: sostoyanie, problemy, perspektivy : sb. tr. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Pinsk, 26–27 apr. 2012 g. : v 2 ch. / Nats. bank Resp. Belarus ; redkol.: K. K. Shebeko [i dr.]. – Pinsk : PolesGU, 2012. – Ch. 2. – P. 134–136.*

4. Консолидация и модернизация России / ред.: А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. – М. : Канон+: Реабилитация, 2014.

Konsolidatsiya i modernizatsiya Rossii [Consolidation and modernization of Russia] / red.: A. A. Guseynov, A. V. Smirnov, B. O. Nikolaichev. – M. : Kanon+ : Reabilitatsiya, 2014.

5. *Соколова, Г. Н.* Модернизация как технологический и социальный феномен // *Г. Н. Соколова // Социол. исслед.* – 2012. – № 5. – С. 3–12.

Sokolova, G. N. Modernizatsiya kak tehnologicheskyy i sotsialnyy fenomen [Modernization as technological and social phenomenon] // *G. N. Sokolova // Sotsiol. issled.* – 2012. – N 5. – P. 3–12.

VERA BELAKRYLAVA

**MODERNIZATION AS SOCIAL TECHNOLOGY:
CONTEXTS OF HUMANITARIAN COMPREHENSION**

Author affiliation. *Vera BELAKRYLAVA (ralfinaster@gmail.com), Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus).*

Abstract. The article focuses on the forms of contribution of philosophical disciplines to modern public innovations; various contexts of humanitarian expert review of modernization projects are described. Technology of humanitarian comprehension of modernization is disclosed, which includes such major directions as discussion of scenarios, subjects, driving forces and risks of modernization; study of ideological, philosophical and behavioral patterns of certain social communities and groups as an important resource of modernization; comparison of unique conditions and «mass» social technologies of modernization; ethical and humanistic expert examination of modernization goals and means. «Descriptive», «transformative» and «expert» participation of humanitarian disciplines in modernization projects are concentrated at the level of theoretical grounds and methodological premises.

Keywords: modernization, social design, humanitarian expert evaluation, social and humanitarian technologies.

UDC 316.422

*Статья поступила
в редакцию 25.11. 2015 г.*

Bibliography

1. Юдин, Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям / Б. Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 3. — С. 129—138.
Yudin, B. G. Ot gumanitarnogo znaniya k gumanitarnym tehnologiyam [From humanitarian knowledge to humanitarian technologies] / B. G. Yudin // Znanie. Ponimanie. Umenie. — 2005. — N 3. — P. 129—138.
2. Капелюшников, Р. И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм / Р. И. Капелюшников // Вопр. экономики. — 2013. — № 10. — С. 28—45.
Kapelyushnikov, R. I. Povedencheskaya ekonomika i «novyyi» paternalizm [Behavioral economics and «new» paternalism] / R. I. Kapelyushnikov // Vopr. ekonomiki. — 2013. — N 10. — P. 28—45.
3. Алексеенко, Т. С. Гуманитарные аспекты модернизации / Т. С. Алексеенко, Л. М. Злотникова // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : сб. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 26—27 апр. 2012 г. : в 2 ч. / Нац. банк Респ. Беларусь ; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. — Пинск : ПолесГУ, 2012. — Ч. 2. — С. 134—136.
Alekseenko, T. S. Gumanitarnyye aspekty modernizatsii [Humanitarian aspects of modernization] / T. S. Alekseenko, L. M. Zlotnikova // Ustoychivoe razvitie ekonomiki: sostoyanie, problemy, perspektivy : sb. tr. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Pinsk, 26—27 apr. 2012 g. : v 2 ch. / Nats. bank Resp. Belarus ; redkol.: K. K. Shebeko [i dr.]. — Pinsk : PolesGU, 2012. — Ch. 2. — P. 134—136.
4. Консолидация и модернизация России / ред.: А. А Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. — М. : Канон+: Реабилитация, 2014.
Konsolidatsiya i modernizatsiya Rossii [Consolidation and modernization of Russia] / red.: A. A Guseynov, A. V. Smirnov, B. O. Nikolaichev. — M. : Kanon+ : Reabilitatsiya, 2014.
5. Соколова, Г. Н. Модернизация как технологический и социальный феномен / Г. Н. Соколова // Социол. исслед. — 2012. — № 5. — С. 3—12.
Sokolova, G. N. Modernizatsiya kak tehnologicheskii i sotsialnyy fenomen [Modernization as technological and social phenomenon] / G. N. Sokolova // Sotsiol. issled. — 2012. — N 5. — P. 3—12.